

Евгений Сухов

18+

Подметные письма

Роман

Дела следователя Воловцова

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Подметные письма

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сухов Е. Е.

Подметные письма / Е. Е. Сухов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Дела следователя Воловцова)

ISBN 978-5-5321-0511-9

В Нижний Новгород к месту службы прибывает молодой блистательный поручик Скарабеев. Поначалу на новом месте дела у него складываются благоприятно, - он был обласкан начальством и принят в генеральский дом. Но вскоре начались неприятности: в дом генерала стали подкидывать письма фривольного содержания, порочащие молодую графиню. Под подозрения попадает прибывший недавно поручик.

ISBN 978-5-5321-0511-9

© Сухов Е. Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Дело упыря	5
Глава 2. Приезд в Нижний Новгород	13
Глава 3: У вас красивая матушка	19
Глава 4. Бедняжка Юлия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1. Дело упыря

– Не обессудьте, но это дело всенеприменейше ваше, господин Воловцов, и даже не спорьте! А потом вам не привыкать вызволять невинно обвиняемых, так сказать, из-под надвигающихся жерновов правосудия. Верно, Иван Федорович? – бодро поинтересовался Владимир Александрович.

При последних словах следовало верноподданнически вытянуться, лицу надлежало приобрести должную суровость. Что было немедленно осуществлено.

– Точно так, ваше превосходительство!

– А значит, в связи с этим делом вам надлежит немедленно отправляться в Нижний Новгород!

Эко высказался его превосходительство! С вывертом... Ничего не скажешь, – мастер русской словесности! Даже не преминул улыбнуться ободряюще. Вот когда ему нужно, то "наш генерал" (именно так с некоторой ехидцей называли за глаза окружного прокурора Судебной палаты действительного статского советника Владимира Александровича Завадского) мог быть эдаким добрым дядюшкой, который ежели и бывает суров, так на то всегда имеются веские основания. И первая из них – он должен видеть у своих подчиненных рвение в служении на блага Отечества.

Да и у кого из подчиненных хватит дерзости, чтобы спорить с самим окружным прокурором? Так что просьба Завадского быть к его словам лояльным ни что иное, как некоторая игра в демократию, которая его превосходительство, надо полагать, весьма забавляла. А вот то, что делом бывшего репетитора тактики Нижегородского кадетского корпуса отставного поручика Скарабеева придется заниматься именно мне, это уже безо всяких шуток.

Я тотчас почувствовал на своих плечах бремя порученного мне дела. Отнесся философски, – никуда не денешься, нужно работать. Несколько дней назад мною было завершено дело маниака, которому в ходе расследования было дано прозвище "Упырь". Все собранные материалы в силу служебной необходимости были переданы военному следователю Московского Военно-окружного суда.

Отдохнул несколько дней и вновь грудью на редуты!

Значит, в ближайшие часы предстояло покинуть Москву и ехать в дальнюю дорогу. На сей раз в Нижний Новгород...

* * *

Дело "Упыря" мне было поручено вести тотчас по возвращении в Москву из Рязани, где я вел следствие по весьма запутанному делу о двойном убийстве генеральши Безобразовой и ее служанки. А "Упырем" с легкой руки пристава Пятницкой полицейской части окрестили некоего человека (если уместно так сказать), принявшегося осквернять могилы нескольких кладбищ. Хотя слово осквернять, пожалуй, будет слишком мягким для такого изувера.

Все началось еще во время моего пребывания в Рязани. В середине ноября, а точнее четырнадцатого числа, обер-кондуктор Московско-казанской железной дороги Поликарп Семенович Измайлов схоронил на общегородском Лазаревском кладбище в Марьиной Роще свою юную дочь Манефу в возрасте тринадцати годов. Не стану вдаваться в подробности болезни несчастного дитя и рассказывать о причинах, повлекших столь раннюю смерть, скажу только, что дочка обер-кондуктора была похоронена недалеко от матери знаменитого русского романиста Федора Михайловича Достоевского.

На следующее утро сторож кладбища, совершая свой обычный обход, обнаружил, что одна из свежих могил раскопана, гроб расколочен, и тело из него на три четверти лежало снаружи. Сторож немедленно поспешил к смотрителю кладбища и доложил ему о вандализме. Смотритель первым делом вызвал к себе могильщиков, но те клятвенно заверили своего

начальника, что захоронение они провели по всем канонам: дали отцу и пришедшим на похороны родственникам проститься с покойной, затем заколотили гроб, опустили его в могилу на три аршина и засыпали землей. После чего, как водится, соорудили аккуратный могильный холмик, поставили православный крест и, получив от родственников покойной на водку, удалились. При надобности их слова могут подтвердить все присутствующие, что были на похоронах. Смотрителю ничего более не оставалось, как отправился к той разрытой могиле в сопровождении сторожа и могильщиков, чтобы лично убедиться в правдивости слов кладбищенского сторожа.

Зрелище было омерзительным и очень ужасным, на могиле побывал настоящий кошун. Крест бы сбит в сторону, могилы разрыта, гроб был разломан (явно орудовали топором), обнаженная девочка почти лежала на земле, – богатое платье, в котором ее проводили в последний путь было украдено.

Но это было еще не все...

Тело покойной Манефы Измайловой было словно искусано (да детском тельце как будто бы оставались следы от зубов), а желудок и живот были вспороты сверху и до самого низу, в результате чего часть внутренностей вывалилась наружу.

Кладбищенский смотритель, потрясенный увиденным, потопал в ближайший полицейский участок и сообщил о происшествии околоточному надзирателю. Тот с двумя нижними чинами полиции прибыл на кладбище, произвел досмотр места преступления и по обнаруженным хорошо видимым следам, ведущим от могилы (погода в день похорон была слякотная, а под утро случились заморозки), дошел до забора, которым было огорожено кладбище. В том месте, где через него перелез преступник, забор был дощатым, и на перекладине, соединяющей вертикально стоящие доски, были заметны следы, оставленные от грязной обуви.

Поскольку следы были явственно заметны, околоточный надзиратель сделал вывод, что человек, совершивший злодеяние, приходил либо поздно вечером, либо ночью, иначе бы он предпринял какие-то действия для их сокрытия. И еще наблюдательный, и весьма толковый полицейский приметил, что обувь у преступника была с низким каблуком, венчающимся на пятке металлической подковкой. Началось расследование, не смотря на все предпринятые усилия, не дало никаких результатов.

Девятнадцатого ноября подобный случай произошел уже на Пятницком кладбище, к которому аккурат ведет Кладбищенский переулок. Злодей разрыл аж две могилы: девочки двенадцати лет по имени Александра Каблукова и Зинаиды Крашенинниковой, купечкой жены сорока двух лет от роду.

Могилка девочки была свежей и находилась в десяти сажнях от высоченной стелы из итальянского черного мрамора, под которой, как гласила надпись у ее основания, "была погребена голова инженера путей сообщения Бориса Алексеевича Верховского, казненного китайцами-боксерами в Маньчжурии в городе Лао-Янь в июле 1900 года..." Как и в случае на Лазаревском кладбище с Манефой Измайловой, на Александре Каблуковой отсутствовало платье, а ее желудок и живот, как гласило врачебное заключение, "были вскрыты продольным разрезом, открывающим часть внутренностей". Кроме того, ноги выше колена, живот и бок девочки были изжеваны, что подтвердило позднее врачебное заключение.

Тело Зинаиды Крашенинниковой, женщины, захороненное более недели назад и начавшее активно разлагаться, было вытащено через разбитую крышку гроба и проволочено на расстояние около двух с половиной сажней. Платье на покойнице было задрано, чулки приспущены. Рот Зинаиды Крашенинниковой был разрезан до ушей. Через область желудка и живота проходил продольный разрез, часть внутренностей женщины вывалилась, а часть была разбросана, включая вырванную печень покойной. Возле обоих трупов были обнаружены одинаковые следы обуви, с большой долей вероятности, принадлежащие вурдалаку, сотворившему все

эти бесчинства. Оставленные преступником следы указывали на наличие низкого каблука и металлической подковки на пятке.

На место преступления приставом, успевшим провести предварительное расследование, был вызван специальный агент с собакой-ищейкой по кличке Герда (и агент, и собака были позаимствованы в Московском сыском отделении у его начальника коллежского советника Лебедева), обнаруживший место, где преступник перелез через кладбищенский забор. За забором следы таинственным образом терялись. Дальнейшее расследование зашло в тупик.

Двадцать третьего ноября было совершено очередное преступление. Опять-таки на Лазаревском кладбище. Недалеко от могилы жены литературного критика Белинского была вскрыта могила актрисы Московского Художественного театра Виолеты Орловской, захороненной двадцать второго числа. Почерк преступления был прежний: крышка гроба разбита и расщеплена, тело вынута, платье на трупе отсутствовало, чулки приспущены до колен, на распоротом животе, боку и ляжках покойной актрисы следы укусов и жевания, внутренности покойной частично разбросаны. Следы, оставленные преступником, вновь, как и в случае с Манефой Измайловой, уводили к дощатой части забора на северной стороне кладбища.

Сомнений не оставалось: оскверненные могилы на Лазаревском и Пятницком кладбищах дело рук одного и того же преступника с ярко выраженными маниакальными наклонностями. Все эпизоды с вырытыми могилами было решено объединить в одно делопроизводство, а следствие по нему было порчено вести мне, как только я вернулся из Рязани. Там мною было раскрыто двойное убийство с ограблением, в котором обвинялся полковник Тальский. Мне удалось доказать его невиновность.

Непосредственный мой начальник, председатель департамента уголовных дел судебной палаты Геннадий Никифорович Радченко, официально поручая мне дело Упыря, молвил:

– С предыдущим делом ты справился блестяще! Практически спас этого Тальского от каторги. Теперь настала очередь спасти все наше общество от выроodka-маниака. Полномочия у тебя, как у судебного следователя по особо важным делам, самые широкие. Так что – действуй...

Действовать я начал тотчас по принятию дела "Упыря" в свое производство. Посетил оба кладбища, на которых были взрыты и осквернены могилы усопших, опросил тамошних сторожей и могильщиков. Именно они сообщили мне одну немаловажную деталь: в похоронных процессиях среди родственников и знакомых покойных, могильщики заметили некоего унтер-офицера, державшегося от пришедших проводить в последний путь усопших особняком и несколько поодаль. А в случае с Александрой Каблуковой унтер и вовсе наблюдал за похоронами со стороны.

Подтверждением того, что "Упырь" – лицо военное, послужил новый случай взрытия и осквернения могилы. Стучилось это уже на Семеновском кладбище, выросшем из погоста села Семеновское, что в районе Соколиной Горы.

Около полуночи двадцать седьмого ноября сторожа кладбища разбудил лай собак. Гавкали они в эту ночь громче и злее обычного. Сторож вышел из будки, прислушался, но никакого постороннего шума не услышал и резонно решил провести обход кладбища, как только развиднеется.

Поутру сторож начал свой обычный обход территории кладбища. Наискосок от памятника генерал-лейтенанту Константину Васильевичу Сикстелю, начальнику артиллерии Московского военного округа, и близ захоронения начальницы Сиротского приюта Московского Воспитательного Дома Гликерии Алексеевны Цеймерн, кладбищенский сторож обнаружил разрытое захоронение. Это была могила женщины по имени Аполлинария Суслицкая, учительницы французского языка, умершей сорока шести лет от роду, схороненной накануне. О случившемся сторожем было сообщено смотрителю кладбища и в ближайший полицейский участок. Я узнал о новом преступлении "Упыря" чуть позже, однако прибыл на кладбище

вовремя, – труп Аполлинаруи Суслицкой лежал нетронутый, точнее, такой, каковым его обнаружил кладбищенский сторож: вынутый из разбитого гроба, с задранном платьем, приспущенными до колен чулками и взрезанным животом. На бедрах и боках покойницы явственно просматривались укусы с повреждением кожи. Позже медик-эксперт определит их, как человеческие. Мужские следы, оставленные возле могилы, имели низкий каблук и металлическую набойку на нем в виде подковки. Что лишний раз подтверждало факт свершения данного преступления именно "Упырем".

После допроса сторожа я стал опрашивать могильщиков. И когда задал вопрос, не видел ли кто из них вчера поблизости, когда хоронили учительницу Суслицкую, некоего унтер-офицера, один из могильщиков не очень твердо ответил:

– Был один такой... Кажись, да, унтер. Младший.

– Точно младший? – задал я уточняющий вопрос.

– Точно, – поддакнул второй могильщик. – Я его хорошо разглядел. У него на алых погонах две лычки было. Стало быть – младший унтер-офицер. Он стоял возле памятника генералу Сикстелю и смотрел на похороны...

– Ну, если вы его хорошо разглядели, то опишите его, – предложил я второму могильщику.

– А что описать-то? – спросил могильщик.

– Меня интересует какого он роста, его возраст, какое у него лицо... Овальное, круглое, вытянутое... Может быть, приметы какие есть особенные у него есть, скажем, хромал или еще что-то, – пояснил я.

– Росту он среднего... Молодой, не старше двадцати пяти лет... – в задумчивости произнес могильщик. – Что еще... – он немного помолчал, глядя вбок. – А, глаза у него голубые, – вспомнил могильщик. – И это, усики. Тонкие такие, ухоженные...

Больше могильщик ничего не вспомнил, но этого было уже достаточно, чтобы составить словесное описание "Упыря".

После происшествия на Семеновском кладбище, кроме словесного описания "Упыря", мной было определено еще несколько его особенностей, которые могли бы помочь в расследовании и конечном счете поимке преступника.

Первая. "Упырь" раскапывал только женские могилы. Мужские захоронения, даже самые свежие, его не интересовали. Значит, помимо всего прочего, в его действиях присутствовал половой признак, что указывало на определенное душевное отклонение.

Второй особенностью было то, что "Упырь" совершает набеги на могилы по нечетным дням через три на четвертый. Об этом свидетельствовали его посещения кладбищ: Лазаревского – пятнадцатого ноября; Пятницкого – девятнадцатого; снова Лазаревского кладбища – двадцать третьего и Семеновского – двадцать седьмого ноября.

Во всех случаях – это было третьей особенностью преступного почерка "Упыря" – он предварительно приходил на кладбища, выявлял более или менее свежие захоронения, часто присутствуя на самих похоронах. После чего, уже ночью в районе одиннадцати-двенадцати часов, перелезал через кладбищенскую стену, шел к уже известной ему могиле, раскапывал ее, совершал свои гнусности и уходил обратно тем же путем, каковым пришел. Еще одной отличительной особенностью, уже четвертой, было то, что "Упырь" орудовал лишь в той части города, в которую входили все три названных кладбища. Это могло означать лишь одно: его воинское подразделение, где он служит младшим унтер-офицером, дислоцируется в этой же части города либо недалеко от нее. И это вполне могли быть казармы на Немецкой улице, где квартировал Троице-Сергиевский резервный батальон. Нижние чины которого как раз носили алые погоны.

Пришлось нанести визит военному прокурору, поскольку военнослужащие с их противозаконными проступками находились в ведении Военно-окружного суда. Военный проку-

рор, первейшей обязанностью которого являлось наблюдение за ходом предварительного следствия, выделил, как он выразился, "в помощь вам, господин коллежский советник", своего военного следователя Ираклия Шотаевича Горгадзе.

– Человек он опытный, думаю будет полезен в расследования, – добавил военный прокурор и принужденно улыбнулся. – Сами понимаете, военная прокуратура не может остаться в стороне.

Военный следователь Ираклий Горгадзе был равных со мною лет и производил впечатление человека бойкого, смышленного, исполнительного и весьма честолюбивого. На самом деле, как мне показалось, Горгадзе был приставлен ко мне не столько в помощь проведения следствия, сколько ради того, чтобы военному прокурору быть в курсе проводимого следствия со всеми его версиями и уликами. И чтобы в нужный момент, когда не останется никаких сомнений, что "Упырь", и правда, является военнотружущим, принять дело в свое производство, отодвинув меня в сторонку. И с триумфом завершить громкое расследование, приписав все заслуги по поимке кладбищенского маниака себе и ведомству Военно-окружного суда.

Неуемное стремление лично арестовать "Упыря" и надеть на него кандалы привело военного следователя Горгадзе к задержанию младшего унтер-офицера Колобородько, подпадающего под словесное описание "Упыря". Задержанию ошибочному, на которое я не давал свое "добро", поскольку даже не подозревал о его существовании. Правда, кое-какие основания для ареста младшего унтер-офицера Колобородько у военного следователя все же имелись. Как стало известно, этот унтер-офицер, будучи в карауле, удалялся тайком между одиннадцатым и двенадцатым часом ночи и возвращался с красным лицом, горящими глазами, а его одежда и источала запах, весьма похожий на трупный. Все эти обстоятельства были написаны в анонимном донесении на имя командира подразделения, в котором служил унтер-офицера Колобородько. Заарестовав его, стали детально разбираться. И вскоре выяснилось, что в точности в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое ноября и в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое, когда были взрыты и осквернены могилы на Лазаревском кладбище, младший унтер-офицер Колобородько находился в карауле и отлучался на время по каким-то своим личным надобностям. Военный следователь Горгадзе уже потирал руки в предвкушении своего триумфа: как же, – утер нос самому судебному следователю по особо важным делам! Однако унтер Колобородько заявил, что к святотатству отношения не имеет и на обе отлучки у него имеется твердое алиби: в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое и в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое ноября Колобородько находился у своей любовницы Марфы, проживающей в доме по Кирпичному переулку. Его слова подтвердили на допросе означенная любовница и квартирная хозяйка Губицкая, которая была в курсе ночных визитов унтера Колобородько к ее квартирному съемщице, поскольку мучилась бессонницей и засыпала только под утро. А то, что от младшего унтер-офицера исходил трупный запах, так это было от того, что унтер Колобородько вместе с Марфушкой до и после любовных утех пили бражку, которая и придавала дыхания сладковато-приторный запах. С некоторой натяжкой его можно было принять за трупный...

Затею поймать преступника методом «на авось» (а иначе предпринятые военным следователем действия и не назовешь) Горгадзе пришлось оставить. Последующие два дня военный следователь меня старательно избегал. Выловить мне его удалось лишь у Военно-окружного суда, откуда он выходил с папкой в руках. Заметив меня издали, прятаться не стал, учтиво поздоровался. Я предложил ему поговорить о наших делах, на что он немедленно согласился. Немного поблуждав по округе, мы нашли тихое местечко в тенистом сквере, и там я его убедил устроить засады на вурдалака на всех трех кладбищах, благо, что места, где он перелезал через заборы нам были известны.

План мой заключался в следующем. Коли "Упырь" совершает свои налеты на близлежащие к месту расположения его воинской части кладбища по нечетным дням через три на четвертый, выходит, следующее осквернение могилы должно произойти первого декабря. Стало

быть, надлежит устроить на Лазаревском, Пятницком и Семеновском кладбищах засады, схронившись недалеко от тех мест, где Упырь перелезает через забор. Затем проследить за ним, что будет нетрудно сделать, пользуясь покровом ночи; дожидаться, пока он не начнет раскапывать очередную могилу и взять его на месте преступления с поличным. Военный следователь Ираклий Горгадзе против моего плана не возражал и, узнав, что я собираюсь встать в засаду на Пятницком кладбище, смиренно попросился:

– Разрешите мне с вами, господин коллежский советник?

– Да ради Бога, – благосклонно ответил я, прекрасно понимая, что неумное стремление лично арестовать "Упыря" и надеть на него оковы у военного следователя никуда не подевалось. Конфуз с младшим унтер-офицером Колобородько на пользу ему не пошел...

Вечером первого декабря вместе с военным следователем Горгадзе и двумя нижними полицейскими чинами мы спрятались за деревьями в нескольких саженях от того места кладбищенской стены, к которому привела по следам "Упыря" служебная ищейка Герда из Московского следственного отделения. Было тихо, в прямом смысле слова, как на кладбище. Редкие снежинки, как-то нехотя падающие с неба, только усиливали вязкое ощущение тишины.

Не ведаю, как иные, а я люблю сиживать в секрете. Это как охота, про которую говорят, что она пуще неволи. Как рыбак, сидящий за удочкой и неотрывно следящий за движениями поплавок. Или стрелок, так притаившийся на своем номере за густыми кустами, что почти не дышит. Вроде бы ничего не происходит, а ты сосредоточен, внимателен и при огромном интересе. Ты весь – и тело, и дух – как сжатая пружина, готовая мгновенно разогнуться, как только будет дана такая команда. Все в тебе подчинено ожиданию. Вернее, тому, что за этим ожиданием последует. Это вовсе не то ожидание, о котором говорят, что нет ничего хуже, как ждать и догонять. Это ожидание – часть проводимых тобою следственных действий. Очень важная, часто результативная и нередко венчающая собой все расследование...

В четверть двенадцатого в голову закралась гадкая мысль, что на Пятницкое кладбище "Упырь" сегодня не придет, и, возможно, он уже перелезает через ограду Лазаревского или Семеновского кладбища. И как оно часто случается, когда ожидание уже кажется напрасным, послышался шорох. Я и мои спутники замерли, прислушиваясь к нему, и скоро увидели, как через кладбищенскую стену ловко перелезает человек. Вот он мягко спрыгивает со стены, замирает, прислушиваясь и оглядываясь по сторонам, затем начинает медленно двигаться вглубь кладбища. Идет он уверенно, что навевает на мысль о том, что человек этот здесь уже бывал не единожды. Мы с большими предосторожностями и на расстоянии следуем за ним. Когда он выходит на алею, то можно разглядеть его одежду. На нем военное обмундирование пехотного образца с алыми погонами и двумя лычками на них, как и говорил один из могильщиков Семеновского кладбища.

Еще полтора десятка саженей, и "Упырь" останавливается. Оглядывается по сторонам. У нас не остается никаких сомнений в том, что пришедший именно тот, который нам нужен. Переводит взгляд на свежую могилу с венками. Оттаскивает в сторону цветы; несколько бережно взял венок и отставил его на ограду соседней могилы. После чего садится на корточки и начинает какой-то заостренной дощечкой, которая, очевидно, была припасена им загодя, сноровисто разрывать землю. Дело спорилось, земля поддавалась хорошо, – не успела еще слежаться и замерзнуть. Человек в военном обмундировании уже достаточно углубляется в землю, и не оставалось ни малейших сомнений в том, что он хочет добраться до гроба. Что ж, пора на выход!

Мы выходим из своего укрытия, освещая керосиновой лампой "Летучая мышь" место преступления и лицо самого маниака. Мизансцена удалась: вурдалак весьма удивлен и сильно взволнован. Еще минутой позже он сумел совладеть с собой и выражение его лица становится смиренным, каковым, верно, предстает в обыденной жизни, а глаза просто излучают благодушие. Трудно поверить, что человек с такой благообразной внешностью и кроткими глазами

через каких-то полчаса, разбив крышку гроба и вытащив из него покойника, примется жевать труп, вспарывать ему живот. Станет запускать в оскверненное чрево мертвеца корявые пальцы и вырывать из нутра гниющие внутренности.

А может, кроткое лицо маниака и добродушные глаза всего лишь следствие блеклого света керосиновой лампы?

– Давай, дружок, поднимайся к нам! Перепачкался, небось, в грязи-то, да и темновато-о там будет, – сахарно-любезно произносит военный следователь Ираклий Горгадзе и протягивает "Упырю" крепкую ладонь в черной перчатке.

Вурдалак благодарно закивал, льстиво заулыбался и ухватился за протянутую руку. В какой-то момент выражение его лица резко поменялось, приняв прежний озлобленный облик. Внезапно и с силой он дергает ее на себя следователя и отскакивает в сторону. Не ожидавший такого подвоха Горгадзе невольно делает шаг вперед и срывается в выкопанную "Упырем" яму, успевая все же сильно задеть плечом маниака. Вместе они сваливаются в яму, крепко сцепившись, но уже через несколько мгновений Горгадзе оседлал унтера и заломал ему руку за спину болевым приемом из японской борьбы Дзю-дзюцу. После чего надел на запястья "Упыря" железные оковы. Дюжему полицейскому, поспешившему на помощь Горгадзе, оставалось только созерцать победу следователя: "Упырь" был обездвижен и лишен всяческой возможности совершить побег. А военный следователь ловок оказался. Что ж, его желание лично арестовать "Упыря" и надеть на него оковы свершилось. А маниак... Им оказался младший унтер-офицер второй роты Троице-Сергиевского резервного батальона пятьдесят шестой пехотной резервной бригады Филипп Цибульский. А поскольку за его печами был неполный курс богословского факультета Варшавского университета, унтер Цибульский исправлял должность секретаря батальонного казначея и числился в нестроевых, что давало ему возможность частенько отлучаться из расположения роты по личному усмотрению.

Допрос "Упыря" был проведен нами незамедлительно, прямо у свежей могилы. Важно не дать преступнику опомниться и выработать линию защиты.

Филипп Цибульский отвечает охотно: да, это он осквернил могилы на Лазаревском, Пятницком и Семеновском кладбищах. Зачем он это делал – точно ответить не может... Что-то его толкало к этому. Это неосознанное, но сильное чувство было сильнее его и не было сил, чтобы ему воспротивиться.

– Меня что-то побуждало это делать. С чем я не мог справиться, – признается Филипп Цибульский и добродушно смотрит на меня, как если бы искал во мне какую-то опору. Его заискивающий взгляд заставил меня невольно поморщиться, мне он напоминал раздавленную на тротуаре червя. Наступать на склизкое пятно было противно. Помогать вурдалаку или облегчать его участь, равно как и выказывать сочувствие, было не для меня.

– Чем вы разрезали желудки и животы покойникам? – спрашиваю я маниака после некоторой паузы.

– Перочинным ножом. Я его всегда ношу с собой, – с готовностью отвечал вурдалак.

– Тем самым ножом, что у вас изъяли? – задает уточняющий вопрос военный следователь Горгадзе.

– Да, – следует короткий ответ.

– Почему вы вскрывали только женские могилы? – этот вопрос интересует не только меня, но и военного следователя Горгадзе, поэтому он перестает записывать, поднимает в ожидании голову и в упор смотрит на Филиппа Цибульского.

– Ну... я не знаю... – отводит глаза младший унтер-офицер. – Как-то само получалось.

Сказанному верится не особо, поэтому я задаю новый вопрос:

– Ответьте мне откровенно... Вы испытывали удовольствие от того, что делали?

– Да, – выдавливает из себя Филипп Цибульский, на какое-то мгновение его лицо осветила радость. – Это был восторг... Экстаз, если хотите... После всего того, что я уже сделал...

Наступала потребность в отдыхе, и я мог проспать несколько часов подряд там, где меня заставлял сон. При этом я слышал все, что происходило вокруг меня. Несколько дней я жил очень умиротворенно и меня ничего не побуждало вернуться к прежним занятиям... А потом все начиналось сначала... У меня начинала болеть голова, тело мучилось, и я шел снова на кладбище. Вот вам вся откровенность, – добавляет он и смотрит жалостливо и кротко.

– Зачем вы жевали трупы и грызли их? – задает вопрос военный следователь Горгадзе. – Неужели вам было не противно?

– Я не знаю... Все происходило, как в лихорадке, в страшных неистовствах... – последовал сдержанный ответ. – А потом как же мне может быть противно... Ведь я же их любил, я их жалел.

– А зачем же в таком случае вы разрезали им рты, вырывали у покойников внутренности и разбрасывали их? – не понимает Горгадзе. Хотя уже все ясно: маниак он и есть маниак.

– Ну... Мне думалось, что только так я могу им показать свои чувства.

Более спрашивать ни о чем не хотелось. Для нас было все ясно. Не исключено, что последует врачебное освидетельствование "Упыря". Будет очень жаль, если за ним признают какую-нибудь «унылую мономанию». В этом случае вместо каторги он попадет на больничную койку.

Остается надеяться, что дело его будет рассматривать Военно-окружной суд, а он известен своей суровостью. В нем нет присяжных заседателей, как в гражданских судах, которых может разжалобить кроткий вид маниака.

Собственно, на этом все. Мое расследование по делу "Упыря" закончено. Преступник сознался, деяния его документально зафиксированы, подробнейшим образом изложены на бумаге и аккуратно подшиты к делу. Дальше "Упырем" будет заниматься ведомство Военно-окружного суда и лично военный следователь Ираклий Горгадзе. И едва я передал ему все дела, как нате вам: вызов к окружному прокурору Судебной палаты Завадскому и принятие дела отставного поручика Скарабеева.

* * *

Дело Скарабеева мне поручал не мой непосредственный начальник, председатель департамента уголовных дел судебной палаты статский советник Радченко, как бывало ранее, а его превосходительство Владимир Александрович Завадский. Сие обстоятельство навело на мысль, что следствие мне придется вести по делу неординарному и весьма непростому. То же самое подсказывала мне и моя обостренная интуиция. А до Рождества осталось совсем мало времени.

Неужели встречать его придется в Нижнем Новгороде?

Хотя с другой стороны...

Глава 2. Приезд в Нижний Новгород

Ах, какой все-таки молодец был наш государь император Александр Николаевич! Это ведь он еще до своих знаменитых реформ и до манифесту "О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей" выдал именной Указ Правительствующему Сенату «О сооружении первой сети железных дорог в России», звучавший весьма прозорливо: «*Дабы Отечество, обильное дарами природы, но разделенное огромными пространствами, не испытывало более нужду в удобных сообщениях, поскольку "железные дороги... соделались потребностью народною, желанием общим, настоятельным"*». Вышел этот исторический Указ в одна тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году двадцать шестого января. К Указу прилагался Устав созданного опять-таки не без участия нашей августейшей императорской особы "Главного Общества железных дорог Русских", которое обязывалось построить и содержать указанную сеть железных дорог, включающую в свой состав различные направления, в том числе линию из Москвы до Нижнего Новгорода.

Изыскательские работы – с чего берет начало любое крупное строительство – начались летом одна тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года. Осенью "Главное Общество железных дорог Русских" уже приступило к строительству ветки Москва – Владимир. В тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, в один из весенних месяцев, начались работы по прокладке железнодорожных путей на ветке Владимир – Нижний Новгород. А в одна тысяча восемьсот шестьдесят втором году, в последний месяц лета, железная дорога открылась на всем ее протяжении от Первопрестольной до Нижнего. С тех пор из Москвы в Нижний Новгород и обратно проехало неисчислимое количество человек, в числе которых был и ваш покорный слуга, прибывший в Нижний Новгород в вагоне первого класса вечером в понедельник седьмого декабря одна тысяча девятьсот третьего года.

Погоды в Нижнем Новгороде стояли промозглые: сверху – непрерывно текло; снизу – под ногами, была мерзопакостная слякоть из мокрого снега и грязи. Словом, не зима, а погодное недоразумение.

Я вышел на Вокзальную площадь и взял первого подвернувшегося извозчика:

– Милейший, какая гостиница лучшая?

– Ясно дело, "Париж" на Покровке, – ответил возница.

– Вот туда и вези, – заключил я, усаживаясь на скрипнувшее подо мной кожаное сиденье в мелких трещинках. – А за быстроту я тебе еще и пяточок добавлю.

Улицею Московской доехали до реки Оки, разделяющей город на две части, Заречную и Нагорную, и выехали на наплавной мост длиною без малого полверсты.

– Туточки, господин хороший, за проезд по мосту надоть денежку платить, – обернулся ко мне извозчик.

– И сколь? – в тон вознице спросил я.

– Значица, два с половиной гривенника за коляску... – тут извозчик оглядел меня, как смотрят на барана или козу, прицениваясь и готовясь купить, – и пяточок за вас и ваши котомки.

– Пяточок? – переспросил я.

– Ага. По копейке за пуд веса...

Я отдал три гривенника, подумав, что мой вес и вес моей поклажи оцениваются равнозначно: по копейке с пуда. Впрочем, мосту все равно, кто по нему едет: поклажа или человек...

За мостом начиналась Нагорная часть города, что выше Заречной сажень на пятьдесят. С набережной Оки это было хорошо заметно.

Выехали на Рождественскую улицу. Потянулись постоялые двory, доходные дома с меблированными комнатами, именитые банки. Все для приезжих на Нижегородскую ярмарку,

проводимую с середины июля по десятое сентября и крупнейшую во всей Российской империи как по территории, так и по товарообороту...

С Рождественской улицы мой возница свернул на мощный крупным серым булыжником Успенский съезд, после чего, миновав перекресток, выехал на Лыкову дамбу, устроенную через речку Почайну вместо моста. Прокатили еще два квартала, и Лыкова дамба уперлась в Большую Покровскую улицу возле П-образного двухэтажного здания, похожего на княжескую или графскую усадьбу, над центральным входом которого крупными лепными буквами было написано: «Окружной судь». Коляска, свернув на Большую Покровскую, проехала еще квартал и остановилась.

– Приехали, барин, – снова обернулся ко мне извозчик. – Вот пожалте: Гостиница "Париж"! С вас трешница.

«Не мало, однако, цены в городке столичные», – подумал я и полез в карман за портмоне.

Расплатившись с извозчиком, я взял багаж и вошел в отворенную швейцаром дверь. Ну что ж, не «Метрополь», конечно, но в целом вполне приличная гостиница. Просторный холл. Ковры на лестницах, припиленные металлическими скобами, улыбающийся персонал. Книга приезжих, мало чем отличающаяся от амбарной, куда меня записали как прибывшего из Москвы чиновника судебного ведомства. Вполне приличный номер на втором этаже. С электрическим освещением, отдельным клозетом и мебелью в светло-коричневых тонах. Мягкая кушетка, или как ее по-прежнему называют в подобных заведениях "сомье". Пожалуй, с делами на сегодня закончено...

* * *

«Как славно, что моя гостиница всего-то в квартале от Окружного суда», – подумал я, ступив на огороженную территорию, принадлежащую зданию суда. И правда, судебное здание такое, что его впору назвать дворцом. Собственно, это и есть Дворец правосудия.

Справившись у полицейского на входе, где размещается кабинет окружного прокурора, поднимаюсь на второй этаж. Ага, вот и приемная.

– Судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Воловцов, – говорю я секретарю и со значением добавляю: – Прибыл по поручению прокурора Московской судебной палаты...

Секретарь тотчас приподнимается со своего стула:

– Минуточку, – и направился в кабинет окружного прокурора.

Словосочетания «По особо важным», «коллежский советник», "Московская судебная палата"... в приемной комнате нижегородского окружного прокурора, звучат весьма громко и значимо. А как иначе, ежели Нижегородский окружной суд находится в ведении Московской судебной палаты, а нижегородский окружной прокурор подчиняется прокурору этой палаты, то бишь его превосходительству действительному статскому советнику Владимиру Александровичу Завадскому. Я же, как представитель Московской судебной палаты и лично окружного прокурора Завадского, также получаюсь величиной немаловажной, которую долго держать в приемной не позволительно.

Через несколько мгновений секретарь выскочил из кабинета с почтительной улыбкой и сообщил:

– Господин окружной прокурор ждет вас.

– Благодарю, – отвечаю я секретарю и ступаю в кабинет. Навстречу мне выходит из-за массивного стола господин чуть старше меня с двумя просветами в петличках.

– Судебный следователь по особо важным делам Московской судебной палаты коллежский советник Воловцов, Иван Федорович, – представляюсь я сему господину.

– Прокурор Нижегородского Окружного суда коллежский советник Бальц, Владимир Александрович, – представляется хозяин кабинета и протягивает мне руку. Я пожимаю его ладонь. Его пожатие сухое и крепкое.

"Интересно, все окружные прокуроры Владимеры Александровичи или через одного", – удалось мне сдержать улыбку.

– Присаживайтесь, – указал хозяин кабинет на огромное кресло из красной кожи.

– Благодарю, – опустился я в кресло, мгновенно оценив комфорт.

Коллежский советник Бальц устроился в таком же, расположенном напротив.

– Я поставлен в известность о цели вашего прибытия к нам. Письмо от его превосходительства господина Завадского было получено мною еще третьего дня. – Окружной прокурор немного помолчал, затем продолжил: – Честно говоря, не вижу какой бы то ни было особой надобности в вашем приезде к нам. Дело отставного поручика Скарабеева ясно как божий день: проникновение в дом без согласия его владельцев, попытка изнасилования девицы шестнадцати лет, написание подметных писем с клеветой, шантажом и угрозами и собственное в этом письменное признание, – все, как на ладони! Если бы не обращение государя императора в Сенат с поручением провести следствие тщательнейшим образом, дело Скарабеева, надо полагать, готовилось бы уже к передаче для судебного рассмотрения.

– Понимаю вашу озабоченность... Но я лишь исполняю поручение, данное мне окружным прокурором Московской судебной палаты...

Мои слова прозвучали, как мне кажется, вполне убедительно. К тому же это была чистая правда.

– Да, конечно, – согласился со мной окружной прокурор Бальц.

– Где сейчас пребывает Скарабеев? – спросил я.

– В тюремном замке, – немного удивленно посмотрел на меня окружной прокурор, – где и положено ему пребывать.

И правда, где еще находится потенциальному насильнику, клеветнику и шантажисту, как не под стражею.

– Кто вел предварительное следствие? – задал я следующий вопрос.

– Судебный следователь Николай Хрисанфович Горемыкин, – ответил Бальц. – Очень ответственный, честный и к тому же добрейшей души человек, насколько я смог в этом увериться. Знаете, я ведь в должности окружного прокурора совсем недавно, – доверительно добавил Владимир Александрович.

– А недавно, это сколько, позвольте узнать? – поинтересовался я.

– Завтра будет неделя.

Я посмотрел на Бальца с откровенным интересом. Весьма легкомысленно давать определение человеку, да еще столь категоричное, после неполного недельного знакомства? Я бы, например, поостерегся...

– Поздравляю, – произнес я.

– Не уверен пока, что есть с чем поздравлять, – сдержанно отреагировал на мои слова прокурор Бальц и добавил: – Как по мне, так слишком много ответственности.

«Зато должность генеральская», – хотел было сказать я, но промолчал. И произнес единственное:

– Привыкнете...

– Как скоро вы желаете ознакомиться с делом? – спросил окружной прокурор.

– Немедленно, – не раздумывая ответил я. – А иначе зачем меня принесло в Нижний?

Бальц понимающе кивнул и вызвал секретаря:

– Николая Хрисанфовича ко мне.

Через несколько минут, проведенных в праздных вопросах со стороны окружного прокурора "как доехали?", "где остановились?" и "как вам Нижний?" и с моей стороны банальных ответов "спасибо, хорошо", "в гостинице "Париж", "впечатляет", в дверь кабинета Бальца постучали.

– Войдите, – громко произнес окружной прокурор Бальц.

В кабинет не очень ловко и как-то бочком протиснулся небольшого росточка старикан в поношенном сюртуке с орденским крестиком Святого Владимира Четвертой степени в петличке, дарованном, судя по цифре "35" на нем, за непорочную тридцатипятилетнюю службу в классных чинах. Старику бы открыть дверь пошире, вот тогда и протискиваться бы не пришлось. Но видно в Нижнем Новгороде свои традиции и широко открытая дверь в кабинет начальства воспринимается, как признак вольнодумства и неуважения к высокой должности. Стало быть, старикан в поношенном сюртуке вольнодумцем не являлся и начальство премного уважал. Покосившись на меня и чуть кивнув, старикан остановился в нескольких шагах от стола, за которым восседал окружной прокурор Бальц.

– Явился по вашему указанию, – отрапортовался орденосный старикан, снова покосившись на меня.

– Ну что вы, Николай Хрисанфович, называйте меня просто по имени-отчеству. Я ведь вам уже говорил.

– Не могу-с, господин коллежский советник, не приучен-с.

Кажется, прокурору Бальцу стало неуютно от стариковой почтительности, и он поспешил представить мне вошедшего:

– Вот, Иван Федорович, прошу любить и жаловать: наш лучший и старейший судебный следователь Окружного суда Николай Хрисанфович Горемыкин, надворный советник.

Представившись Горемыкину, я более внимательно присмотрелся к нему. По его летам, а ему было крепко за шестьдесят, если не слегка за семьдесят, Николаю Хрисанфовичу давно бы было положено иметь чин тайного советника или, на худой конец, действительного статского советника и сделаться «его превосходительством». Однако судебный следователь Горемыкин имел по табели о рангах всего седьмой классный чин, что для его возраста, а главное выслуги лет было явно маловато. «Ну, коли старейшие и лучшие здесь ходят в надворных советниках, – невольно подумалось мне, – то худшие, верно, так и остались в коллежских регистраторах».¹

Во взгляде и манере держаться, читалась вся непростая судьба судебного следователя Николая Хрисанфовича Горемыкина. Да и фамилия, доставшаяся ему от предков, один из которых однозначно мыкал горе, была недвусмысленной. К тому же я где-то читал, что имя и фамилия накладывают на их носителей отпечаток на всю жизнь. Например, люди с фамилией Скворцовы часто зависимы от иных людей и легко поддаются под их влияние. Личное мнение, значительно отличающееся от остальных, Скворцовы имеют редко, еще реже его высказывают и обычно поют с чужого голоса. А вот Волонцовы, напротив, часто сами по себе и жнецы, и на дуде играцы, и лишить их собственного мнения, которое обычно у них всегда имеется, не просто, если не сказать, что невозможно. Наверное, в целом это хорошо. Вот только не для всех ситуаций...

Николай Хрисанфович был из той породы людей, что служат не за страх, а за совесть. Он просто делал свое дело, ни на что не оглядываясь. Исповедуя, верно, сентенцию: делай, что должно, а там будь, что будет. Он и делал. Не испрашивая за свои труды ни чинов, ни наград. Поэтому их никто ему и не давал. Прежние окружные прокуроры фон Вендрих, Орлов и Сенявин вообще забывали о существовании такого их подначального, как судебный следователь Горемыкин, когда писали ходатайства о предоставлении наград и чинов для своих подчиненных. Забыл бы о Николае Хрисанфовиче и сменивший Сенявина на посту прокурора Окружного суда статский советник Макаров, ежели бы не юбилей Горемыкина, о котором окружному прокурору вовремя напомнили. Так к своим шестидесяти годам сделался Николай Хрисанфович кавалером ордена и надворным советником. После чего последующие окружные прокуроры Хрулев, Утин и Золотарев опять-таки вспоминали о судебном следователе Горе-

¹ Коллежский регистратор – низший классный чин в Табели о рангах.

мыкине только тогда, когда надлежало провести предварительное следствие по какому-нибудь щекотливому или шибко путанному делу. Вот и дело отставного поручика Скарабеева было поручено Николаю Хрисанфовичу Горемыкину окружным прокурором Золотаревым по той же причине, поскольку являлось весьма щекотливым. Оно и понятно: семейство опороченной бывшим поручиком девушки было в городе очень влиятельным и весьма уважаемым. Поэтому расследование надлежало проводить с большим тактом, чтобы не скомпрометировать саму девушку в глазах городской общественности и не запятнать честь известной в городе фамилии. И Николай Хрисанфович предварительное следствие провел по всем правилам и этикетам. Неторопливо и как всегда скрупулезно. И отыскал в щекотливом деле достаточно доказательств, для того чтобы уличить Скарабеева в совершенном деянии и иметь основания для заключения его под стражу...

– Я вот вас для чего вызвал, Николай Хрисанфович, – кажется, окружной прокурор Бальц уже поборол неловкость перед судебным следователем Горемыкиным и теперь смотрелся деловитым и строгим начальником. – Иван Федорович желает ознакомиться с делом отставного поручика Скарабеева и помочь нам в скорейшем его завершении. Я ведь правильно выразился, что вы желаете именно помочь, а не отобрать у нас это дело и вести самостоятельное расследование без нашего участия? – перевел на меня взор Владимир Александрович.

– Вы совершенно правильно поняли все, что я говорил, – охотно отозвался я и для убедительности еще и кивнул.

– Вы не будете противиться помощи, Николай Хрисанфович? – скорее, ради проформы поинтересовался Бальц. Вряд ли он ждал от него какого-то протеста.

– Отказываться от любой помощи – грех, – нисколько не посчитал себя ущемленным или обиженным судебный следователь Горемыкин. Старикан, и правда, был добродушен, в чем Бальц оказался абсолютно прав.

– Ну вот и славно, – резюмировал окружной прокурор. – Иван Федорович, – Бальц посмотрел на меня, как мне показалось, с облегчением, – вы можете пройти с господином Горемыкиным для ознакомления с интересующим вас делом. Был рад знакомству, – добавил Владимир Александрович и несколько вымученно улыбнулся.

Мы вышли из кабинета окружного прокурора и спустились на первый этаж. Николай Хрисанфович шел впереди, время от времени переходя с обычного шага на семенящий стариковский. Несколько раз он оглянулся, чтобы удостовериться, следую ли я за ним.

Кабинет судебного следователя Горемыкина оказался небольшим, но уютным, чего я не почувствовал в кабинете окружного прокурора Бальца. Дубовый стол на резных ножках, за ним кресло с высокой спинкой, оба старые (но не дряхлые), как и сам хозяин. Сбоку мягкое кресло для отдыха, куда можно присесть и вытянуть ноги. Рядом – высокая пальма в кадке, покрытой лаком. Так что если сесть в кресло и забыться, прикрыв глаза, то на минутку может показаться, что ты не на Большой Покровке в славном городе Нижнем Новгороде, а где-нибудь недалеко от Атласских гор или во французском Марокко...

– Вот, – Николай Хрисанфович неторопливо достал из ящика стола толстую папку и протянул ее мне. – Дело отставного поручика кадетского корпуса Скарабеева Виталия Ильича, обвиняемого в незаконном проникновении в чужое жилище, попытке изнасилования шестнадцатилетней девушки и написании анонимных писем с клеветой и угрозами в ее адрес, адрес ее родителей и посторонним лицам.

– И таковое обвинение располагает непреложными фактами? – посмотрел я на Горемыкина.

– В полной мере, – ответил мне Николай Хрисанфович, ничуть не сомневаясь в сказанном.

Я взял папку в руки:

– Тяжела... – покачал я на ладони папку. – Где я могу ознакомиться с содержимым?

– Да тут и располагайтесь, – встал со своего места Николай Хрисанфович, с удовольствием усаживаясь в мягкое кресло близ пальмы и вытягивая ноги. – Чего же вам по этажам-то бегать? А потом ведь и удобнее, ежели пожелаете чего-то уточнить, так я рядом...

– Благодарю вас, – занял я место хозяина кабинета и принялся пролистывать папку, делая в памятной книжке пометки для себя...

Глава 3: У вас красивая матушка

Дело отставного поручика Виталия Ильича Скарабеева, порученное мне лично окружным прокурором Завадским, заключалось в следующем. В июле сего одна тысяча девятьсот третьего года поручик Скарабеев был прикомандирован к Нижегородскому графа Аракчеева кадетскому корпусу репетитором тактики. Перевод был вынужденным, поскольку, служа в Москве в Драгунском Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны полку, легкомысленный поручик наделал большие долги и открыто сожительствовал с женщиной, репутация которой была весьма сомнительного свойства. Нет, чтобы соблазнить чью-нибудь жену или обрюхатить командирскую дочку, что у молодых офицеров было как бы в порядке вещей и осуждению среди товарищей не подлежало. Равно как и перманентное пребывание в долгах, сделанных за карточным столом. Так нет же! Поручик Скарабеев открыто сожительствовал с дамой полусвета, что решительно не приветствуется среди полкового офицерства и подлежит осуждению полковым судом чести. Однако до суда чести и удалению из полка дело не дошло. Полковник Илья Григорьевич Скарабеев, весьма заслуженный вояка, имеющий одиннадцать ранений, герой турецкой кампании одна тысяча восемьсот семьдесят седьмого-семьдесят восьмого годов, потерявший руку в деле под крепостью Карс, выплатил почти все долги сына и через свои связи и знакомства сумел добиться перевода его из Драгунского полка, квартирующего в Москве, в Нижегородский кадетский корпус. Чтобы беспутный сын, лишенный соблазнов и развлечений Первопрестольной, в провинции бы поостепенился и не имел возможности делать крупные долги, что Виталий Ильич и обещал клятвенно своему батюшке.

Поручик Скарабеев представлялся директору кадетского корпуса генерал-майору графу Александру Юльевичу Борковскому в начале июля. Генералом, военными преподавателями, классными инспекторами и воспитателями из строевых офицеров Виталий Ильич был принят хорошо, несмотря на то, что шлейф гуляки и распутника дотянулся из Москвы до Нижнего одновременно с его приездом.

Поселившись в меблированных комнатах Павлы Жихаревой, поручик Скарабеев очень быстро сошелся с некоей Эмилией Кипренской, бывшей содержанкой известного в Нижнем Новгороде купца Масленникова, с которой опять-таки, зажил не таясь. Несмотря на клятвенные обещания отцу, стал поигрывать в карты, снова залезая в долги.

Через неделю вместе с другими офицерами кадетского корпуса, поручик Скарабеев был приглашен его превосходительством Александром Юльевичем на званый обед. Вообще приглашения офицеров в дом генерала были частыми, и дом директора кадетского корпуса служил для его офицеров нечто средним между столовой и клубом.

За стол поручика Скарабеева посадили рядом с дочерью директора кадетского корпуса Юлией, девушкой шестнадцати лет, молчаливой и задумчивой, воспитанной, по словам самого генерала Борковского и его супруги Амалии Романовны, в самых строгих правилах благочестивой нравственности и суровой религии. По другую руку Юлии сидел во время обеда поручик Анатолий Депрейс, принимаемый в доме генерала, чаще других офицеров. Вполне возможно, что частые посещения поручиком Депрейсом дома Борковских были связаны с дочерью графа Юлией, что мне предстояло прояснить. Равно как и то, почему совершенно нового человека в доме генерала Борковского сажают рядом с его дочерью на званом обеде, когда все места на нем обычно строго распределены между зваными гостями...

После обеда между Юлией Борковской и поручиком Виталием Скарабеевым завязался разговор, в ходе которого поручик имел неосторожность обронить такую вот фразу:

"У вас очень красивая матушка. Жаль, что вы на нее так мало похожи".

Во всяком случае, так девушка сказала отцу. Амалия Романовна, опять-таки со слов дочери, передает эту фразу несколько по-другому:

"У вас замечательная мать. Какая жалость, что вы мало на нее похожи".

Так или иначе, но сказанное поручиком Скарабеевым их дочери, и отцом, и матерью Юлии единодушно было сочтено за нечаянную глупость и нетактичность, нежели за преднамеренное оскорбление. К тому же, никакого повода нанести оскорбление дочери своего командира у Виталия Ильича не имелось и не могло быть. Конфликт между семьей Борковских и поручиком Скарабеевым разгорелся совсем по другой причине.

И вот по какой...

В том же месяце июле на имя супруги генерала Борковского Амалии Романовны и их дочери Юлии Александровны стали приходиться оскорбительные анонимные письма. То есть не совсем анонимные, а подписанные либо Виталий С., либо В. И. С. Первое письмо пришло на имя Амалии Романовны. Содержание его было следующим:

«Сударыня!

С самых первых минут, как я увидел Вас, я лишился покоя. Образ Ваш все время преследует меня в моем воображении и заставляет сгорать от пламени желания. Я постоянно, ежедневно и еженощно думаю о Вас, и все остальное, не связанное с Вами, совершенно потеряло свое бывшее значение и сделалось для меня безразличным и даже никчемным. О, если бы знали, как я бессонными ночами, сжимая подушку и представляя в своих объятиях Вас, предаюсь сладостным грезам и чувствам, переполняющим мое сердце.

Сжальтесь же над несчастным страдальцем, бросившим к Вашим ногам свое сердце и самую жизнь. И будьте завтра в восемь часов пополудни возле гостиницы "Заречная", где мною снят тихий уютный номер, дабы мы без помех могли предаться снедающей нас страсти.

Ваш Виталий С.»

Затем пришло письмо на имя Юлии Борковской. В нем были следующие строки:

«...Берегитесь же, сударыня. Скоро я приведу в исполнение свой злоедейский замысел. И поверьте, эта зима будет для вас роковой...»

Далее подобные письма стали появляться регулярно. Их находили в гостиной, комнате прислуги, спальнях, столовой и даже в нотных тетрадах Юлии Александровны. И если письма, адресованные супруге генерала Амалии Романовне, были исполнены объяснениями в любви и просьбами смилостивиться над измученным греховным томлением автором послания, страждущим взаимности, то письма на имя Юлии Александровны были исполнены самых грубых оскорблений и откровенных угроз. Следовал однозначный вывод: кто-то принялся изводить мать и дочь Борковских с целью их компрометации в обществе. Только оставалось неясным: какая причина заставила автора посланий снизойти до столь злобного и изощренного поведения? Непонятным оставалось и другое: каким образом попадали в самые разные места дома Борковских письма, подписанные «Виталий С.» или «В. И. С.» То есть, судя по всему, сокращенным именем поручика Виталия Ильича Скарабеева. Не значило ли это, что у злоумышленника был в доме сообщник?

Я понял голову: судебный следователь Горемыкин продолжал сидеть рядом, занимаясь какими-то очередными служебными делами. Время было позднее, но он не спешил. Очевидно остался в кабинете для того, чтобы разъяснить при необходимости некоторые моменты дела. Оторвавшись от чтения, я спросил:

– Скажите, любезнейший Николай Хрисанфович, а вот письма, подписанные "Виталий эС" и "ВэИэС", точно написаны Скарабеевым?

– Да, это является частью обвинений, что ему были официально предъявлены, – охотно ответил орденосный старик, похоже, давно ожидающий вопросов с моей стороны.

– А каким образом эти подметные письма попадали в дом генерала Борковского? Получается, что Скарабеева в доме имелся тайный сообщник?

– Мы полагаем, имелся, – ответил Горемыкин.

– И кто это, выяснили? – приготовил я памятную книжку.

– Обвиняемый Скарабеев отказался назвать его имя, – чуть развел руками Николай Хрисанфович и усмехнулся: – Проявил некое благородство, так сказать.

– А у следствия имеются на счет сообщника Скарабеева какие-либо предположения, кто бы это мог быть? – продолжал я допытываться.

– Имеются, и вполне основательные, – ответил судебный следователь Горемыкин. – Это Григорий Померанцев, лакей Борковских. В деле, – он посмотрел на раскрытую пухлую папку, – имеются по этому поводу показания родителей Юлии Борковской.

– Не совсем понятно ради чего лакею изменять целому генералу в угоду какому-то поручику со скверной репутацией? – спросил я с легким недоумением. И правда, было бы более понятно, если бы лакей изменил поручику в угоду генералу.

– Деньги, – просто растолковал судебный следователь Горемыкин и для убедительности потер большим пальцем по указательному.

Ответ был принят, и я снова углубился в бумаги. Будем разбираться дальше...

Двадцать второго июля поручик Депрейс получил любовное послание от Юлии Борковской (как он полагал), исполненное восхищений и восторгов по его поводу и, по сути, являющимся признанием в любовных чувствах. Окрыленный таким неожиданным обстоятельством, молодой человек ответил не менее восторженно и признался в любви в свою очередь, подчеркнув, что давно уже влюблен, только не находил в себе смелости сказать об этом. А теперь же, по получению-де, такого письма, он, поручик Анатолий Депрейс, не находит более нужным скрывать свои чувства к мадемуазель Юлии и надеется, что ее письмо к нему есть не минутный всплеск эмоций, но выражение чувств выстраданных и временем проверенных.

Девушка, получив такое послание, в недоумении обратилась сначала к матери, а затем к отцу. И показав им письмо поручика Депрейса, в котором тот, помимо прочего, благодарил ее за искренность и «*милую непосредственность*», заявила, что никакого письма поручику, а тем более с признанием в чувствах, она не писала да и не могла написать, поскольку полученное ею строгое и глубоко нравственное воспитание попросту не позволило бы ей этого сделать ни практически, ни даже в мыслях.

Вызванный генералом для объяснений поручик Анатолий Депрейс был несказанно ошеломлен и страшно разочарован, узнав от графа Александра Юльевича, что Юлия Александровна, разумеется, никакого письма ему не писала, а то, что он, поручик, получил послание якобы от ее имени, есть либо чья-то злая недалекая шутка, либо издевка и глумление с целью скомпрометировать непорочную девушку.

Далее сухие протокольные строчки допросов и свидетельских показаний вызвали в моем воображении живописную картинку разговора генерала с поручиком Депрейсом.

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (категорически). Конечно, моя дочь не писала ничего подобного! И не могла написать в силу полученного ею воспитания. И вы, поручик, могли бы это понять и без моих объяснений.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС. Видит Бог, я...

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (не дав поручику договорить). То, что вы равнодушны к моей дочери, нам с Амалией Романовой давно известно. Мы стараемся не навязывать Юлии наших решений, противоречащих ее воле, но к каким-либо отношениям с мужчиной она пока не готова.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС. Я понимаю вас, господин генерал... А кто, по вашему, мог написать такое письмо?

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ. Я, кажется, догадываюсь, чьих рук это дело. Но как он похоже скопировал почерк Юлии!

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС. Кто – он?

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (крайне возмущенно и без тени сомнения). Поручик Скарабеев, конечно. Признаться, он уже извел всю нашу семью письмами оскорбительного содержания, которые мы находим в самых разных местах нашего дома.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС. Вы уверены, господин генерал, что это Скарабеев пишет эти письма?

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ. Уверен, поручик. Да он и не особо скрывается... (Растеряно.) И я не знаю, как положить конец всему этому непонятному издевательству над нами.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС (весьма решительно). Я знаю!

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (с большим опасением в глазах). И как же, уж не дуэль ли?

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС (еще более решительно). Да! Дуэль!

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (как-то суетливо не по годам и не по чину). Даже и не думайте, поручик. Заклинаю вас всеми святыми, не допустите этого поединка между вами и Скарабеевым! Ведь здесь замешано имя мой дочери, имя мой жены. Мое имя, в конце концов! Если состоится дуэль, то её последствиями будете поражены не только вы и Скарабеев, но и все наше семейство. Подумайте об этом, прошу вас.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС (негодую и пылая праведным гневом). Но как иначе мне наказать наглого клеветника за мерзость и подлость, им совершаемые? Ведь сносить этого дальше нельзя! Мне что, и дальше встречаться с ним, как ни в чем не бывало? Жать ему руку? Кивать в знак приветствия? Не имея права выразить ему свое презрение?

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (убито). Да. Это необходимо, поручик. Для спокойствия семейства и моего собственного.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС (качая головой, будто бы не веря услышанному). Отказаться от дуэли и потворствовать негодяю... Это одна из самых тяжелых жертв в моей жизни, на которую вы меня толкаете.

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (сокрушенно). Ну что делать, голубчик, коли так надо. Вверяю свою честь вашему благородному сердцу! Обещайте же мне, что никакой дуэли не состоится.

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС (не менее сокрушенно). Обещаю. Но один Господь ведает, чего мне это стоит.

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ (с чувством). Благодарю! У вас благородное сердце!

ПОРУЧИК ДЕПРЕЙС (после достаточно долгого молчания и с некими посторонними мыслями). А откуда этому мерзавцу Скарабееву так хорошо известен почерк вашей дочери?

ГЕНЕРАЛ БОРКОВСКИЙ. Юлия дней десять назад послала письмо своей товарке по гимназии. А вчера нам стало известно, что никакого письма от нашей дочери та не получала. Надо полагать, это письмо вместо того, чтобы быть отправленным по почте, неким образом попало в руки бесчестного поручика Скарабеева и послужило шаблоном для подделки руки нашей дочери. Скорее всего, письмо это было попросту куплено Скарабеевым рублей за пять у лакея Григория Померанцева, который относил его на почту. И я, и моя супруга уверены, что это именно он помогает Скарабееву, снабжая его информацией о том, что происходит в нашем доме, и оставляя скабрзные письма в самых разных уголках дома...

Картинка разговора директора кадетского корпуса генерала Борковского с поручиком Депрейсом исчезла, и предо мной снова предстали суховатые протокольные строчки...

После состоявшегося разговора с генералом, поручик Анатолий Депрейс получил письмо, подписанное инициалами «В. И. С». В письме имелись следующие строки:

«...Вы не представляете себе, насколько скоро эта вздорная юная особа предстанет во мнении окружающих бедным, униженным и опозоренным существом без будущего. Я сполна отомщу ей за ее любовь к Вам и за презрение ко мне. Тогда моя ненависть, наконец, будет удовлетворена. Если Вы пожелаете, то после исполнения моего замысла ее охотно отдадут в Ваши объятия, чего никогда бы не случилось, если бы не произошло то, что мною задумано и вот-вот будет исполнено...»

По получении сего письма, поручик Депрейс снова воспылил жадой мести, однако вспомнил свое обещание, данное своему начальнику генералу Борковскому, и не стал вызывать Скарабеева на дуэль.

Двадцать пятого июля в субботу генерал-майор Александр Ильич Борковский по своему обыкновению вновь собрал всех офицеров кадетского корпуса у себя. Был приглашен и поручик Скарабеев. Буквально через несколько минут после его прихода, к Виталию Ильичу подошла горничная генерала и сказала Скарабееву, что с ним как можно скорее желает переговорить *"его сиятельство господин граф"*.

Скарабеев кивнул и пошел за горничной. Директора кадетского корпуса генерал-майора Борковского Виталий Ильич застал в столовой. Александр Юльевич стоял с одним из ротных командиров капитаном Сургучевым и двумя дамами и о чем-то с ними беседовал.

– Вы хотели переговорить со мной? – спросил поручик Скарабеев Александра Юльевича.

– Да, – последовал ответ генерала. – По соображениям не служебным, но личного свойства, я прошу вас, поручик, не посещать более моего дома и удалиться немедленно.

Скарабеев ничего на это не ответил, молча поклонился, по-военному развернулся и ушел, глядя прямо перед собой. То, что поручик не возмутился и даже не попытался выяснить подоплеку такого с ним обращения, явно походило на признание какой-то вины. Этим уходом поручик Скарабеев вызвал еще большее негодование Александра Юльевича. Как было записано в его показаниях: *"Скарабеев попросту развернулся и ушел... Каково! Ему прилюдно отказывают от дома, а он и ухом не ведет. Не протестует, не требует объяснений и не выясняет причин, что сделал бы на его месте даже самый последний лакей. Он просто уходит. Молча и без каких-либо возражений. Стало быть, ведает кошка, чье мясо съела... Уже один этот его спокойный уход после открытого оскорбления, нанесенного ему мною, в присутствии посторонних лиц, говорит о том, что именно поручик Скарабеев писал эти гадкие письма..."*

Конечно, униженный отказом от дома Виталий Скарабеев пытался выяснить причины случившегося. Уже на следующий день он спросил об этом капитана Сургучева, присутствующего во время неприятной сцены.

– Я не посвящен в ваши отношения с господином генералом, – сухо ответил капитан Сургучев.

– Но должны же быть какие-то основания для того, что произошло вчера в доме генерала? – продолжал настаивать Скарабеев.

– А их разве мало? – кажется, капитан Сургучев был в значительной степени возмущен. – Ваши долги, ваша открытая связь с этой дамой полусвета Кипренской. И главное: вам приписываются анонимные письма, которые со времени вашего появления в кадетском корпусе буквально затопили семейство генерала.

– Я не намерен более выслушивать подобные подозрения, – в дерзком тоне ответил своему ротному командиру поручик Скарабеев. А потом, следуя показаниям капитана Сургучева, добавил: – Я не обязан ни перед кем отчитываться, с кем я живу и к кому испытываю симпатию. И долги – также мое личное дело. Что же касается анонимных писем, то я не способен на такую подлость.

– Так это не вы пишете все эти оскорбительные для семьи генерала письма? – недоверчиво переспросил капитан Сургучев.

– Нет, не я, – ответил Виталий Скарабеев. – Я просто подавлен такой несправедливостью. И очень удручен, что генерал столь дурно думает про меня. – После чего спросил ротного командира: – А вы как бы поступили на моем месте, дабы развеять ложные подозрения?

– Если вы невиновны, есть очень простое и действенное средство, чтобы снять с себя всяческие подозрения, – ответил капитан Сургучев. – Подавайте в суд за клевету и, тем самым, привлечете к ответственности истинных авторов подметных писем.

Как видно из показаний капитана Сургучева, поручик Скарабеев обещал подумать. Но вместо того, чтобы последовать советам своего командира, поручик предпринял иные действия, решив привести в исполнение свои угрозы, ранее заявленные в письмах.

Глава 4. Бедняжка Юлия

Надо полагать, директор кадетского корпуса генерал-майор Борковский мог себе позволить занять великолепные апартаменты в самом трехэтажном здании кадетского корпуса, разместившегося в нижегородском кремле. Однако его сиятельство граф Александр Юльевич предпочел занять принадлежащий городу небольшой симпатичный особняк с мансардой, расположенный на набережной Оки. На первом этаже дома помещались сам генерал с супругой Амалией Романовной и находились зала, столовая и девичья комнаты. Второй этаж занимали Юлия и ее горничная Евпраксия Архипова. Окна их комнат выходили на набережную. Мансарду занимал лакей Борковских Григорий Померанцев. Правда, занимал – громко сказано. В мансарду он приходил спать.

Двадцать восьмого июля Александр Юльевич и Амалия Романовна, вернувшись из театра, где давали оперу Бизе "Кармен" с участием гастрوليрующих солистов Его Величества четы Фигнер, попили чаю и где-то в первом часу пополудни улеглись спать. Следом за ними, заперев двери коридора, легла горничная Евпраксия, убедившись, что Юлия Александровна уже легла почивать, а стало быть, более никаких распоряжений от госпожи не последует.

То, что случилось далее, известно со слов потерпевшей и (частично) показаний свидетельницы Евпраксии Архиповой.

Во втором часу ночи чутко спящая Юлия услышала звук выдавленного стекла. Приподнявшись на своей постеле, она увидела при лунном свете, как в разбитое окно просунулась рука и отодвинула оконную задвижку. Затем окно распахнулось, и в комнату влез некто в плаще с повязанным вокруг шеи платком, закрывающим лицо до носа и ушей. Оказавшись в комнате, незнакомец заслонил собою дверь, ведущую в комнату горничной Архиповой, затем быстро обернулся и накинул на дверь крючок. Этого времени хватило, чтобы Юлия вскочила с кровати, схватила стул и заслонилась им, как щитом: девушка не закричала; не позвала на помощь, очевидно, от увиденного зрелища ее просто парализовал страх; сил чтобы позвать на помощь или просто что-то громко выкрикнуть у нее не было, как говорят в таких случаях, – отнялся язык. В минуты наивысшего потрясения такое случается.

Тем временем незнакомец с угрожающим видом стал наступать на Юлию, а затем глухо произнес:

– Я пришел отомстить!

После произнесенной фразы незваный ночной гость бешеным зверем бросился на бедную девушку, вырвал у нее стул, которым она пыталась защититься, повалил на пол, придавив своим телом, и стал ожесточенно срывать с нее ночное одеяние. Юлия как могла сопротивлялась, но силы были слишком не равны. Затем незнакомец достал из кармана плаща платок и обвязал его вокруг шеи девушки настолько сильно, что лишил ее возможности не только кричать, но даже издавать какие-либо звуки. После чего стал наносить Юлии удары по груди, животу, ногам и рукам, даже укусил за кисть правой руки. Именно в этот момент полы плаща откинулись, и Юлия заметила под ним темно-зеленый военный мундир.

– Я поклялся, что отомщу! Ваш отец позволил обращаться со мною, как с лакеем. Что ж, теперь я с вами буду обращаться, как лакей...

После этих слов незнакомец впал в крайнюю ярость, достал из кармана что-то похожее на нож и нанес им несколько ударов по ногам и бедрам.

– На тебе, на! – в запале несколько раз повторил он.

При этом ткань, закрывающая половину лица злоумышленника, сползла ему на подбородок, и Юлия узнала в нем злобно оскалившегося поручика Скарабеева. Платок на шее барышни немного ослаб и позволил ей завопить. Тотчас после крика, в дверь, соединяющую ее комнату с комнатой горничной, постучали, и раздался голос Евпраксии:

– Барыня, барыня, что с вами?

– Помогите, – снова получилось крикнуть у Юлии.

Горничная стала ломиться в дверь, и одна из петель запора вот-вот готова была отлететь. Увидев это, поручик Скарабеев, поправивший к тому времени плат на лице, произнес:

– Покуда с вас довольно.

После чего положил на комод письмо и вылез в окно, крикнув кому-то, верно, своему сообщнику: "Держи"!

Когда Евпраксия, сорвав петлю, что держала крючок, наконец ворвалась в комнату Юлии, то увидела, что барыня лежит на полу без сознания.

"Она была вся такая... безжизненная – показывала на допросе горничная Архипова. – Мне даже показалось поначалу, что она не дышит. Ночная рубашка порвана, пятна крови на ней и на полу. Шея вокруг обвязана туго платком... Но нет, она дышала. Мелко так, почти незаметно. Потом я принялась ее сильно тормозить, что оказалось бесполезным: барыня продолжала лежать без чувств. Тогда я сбегала за уксусом и дала его ей понюхать. Она вздохнула, поморщилась и пришла в себя..."

Бедная, несчастная девушка. Поначалу она не могла говорить: спазмы еще сжимали ее горло. Когда горничная предложила позвать родителей, Юлия отрицательно покачала головой, после чего тихо и с видимым усилием произнесла:

– Не стоит их будить. Утром я им все расскажу сама.

– А мне вы расскажете, что с вами произошло? – спросила Евпраксия Архипова.

– Да. Ты ведь моя спасительница, – ответила Юлия благодарно. – Если бы не ты, он бы обесчестил меня или даже убил...

«Когда она произнесла эти слова, так слезы ручьем потекли из ее глаз. Барыня закрыла лицо руками и с полминуты просидела в таком положении. Потом поднялась с пола, присела на кровать и рассказала мне все, что произошло... Это было ужасно», – показывала на допросе Евпраксия Архипова.

Горничная обработала раны Юлии и уложила ее в постель. Но уснуть юной графине так и не удалось: пережитое этой ночью не давало ей успокоения... Утром горничная обо всем рассказала родителям Юлии, встревоженные, они устремились в ее комнату и застали дочь в разорванной рубашке, стоящей у окна. На набережной она увидела прогуливающегося поручика Скарабеева, поглядывающего на ее окна со зловещей улыбкой. Злоумышленник даже насмешливо поклонился, заприметив ее в оконном проеме. Девушка в страхе отпрянула от окна.

– Он там, там! – нервически воскликнула Юлия, указывая на окно.

Но когда генерал Борковский подошел к окну, то набережная была уже пуста. Александр Юльевич и Амалия Романовна были очень обеспокоены состоянием дочери и не очень удивились, узнав, что виновником столь гнусного и омерзительного преступления явился поручик Скарабеев. Однако на семейном совете решили не предавать огласке произошедшее. Поведение родителей было вполне объяснимо, – существовали светские условности, которые могли бы бросить тень на репутацию девушки, что в дальнейшем лишило бы ее выгодной партии.

Тут Юлия вспомнила о письме, оставленном Скарабеевым. Она так и лежало на комод. Адресовано оно было Амалии Романовне...

«Сударыня!

Это Вы являетесь истинной виновницей преступления, свершившегося этой ночью в комнате вашей дочери. Преступления, назначенного осквернить самое чистое, самое невинное существо на всем свете. Я Вас любил, сударыня. Я Вас боготворил, а что получил взамен своим чувствам? Ваше презрение. Теперь и я Вас ненавижу и доставляю Вам в свою очередь право на ненависть.

Однажды я попросил Вас о встрече. Но вы не соизволили откликнуться на мой призыв, предпочтя на весь день запереться в своей комнате. Как видите, я все знаю про Вас. Равно как и про то, что творится в Вашем доме, благодаря своим осведомителям. Вам не скрыться от меня. Как и Вашей дочери, о бесчестии которой скоро узнают все.

Виталий С.».

Не было никаких сомнений, что письмо написал именно тот, кто измывался совсем недавно над Юлией... Иначе: поручик Скарабеев. Только какая ему надобность так по-глупому выдавать себя?

На следующий день поручик Депрейс получает от Скарабеева письмо с явным вызовом.

«Вы совершенный негодяй, поручик, – говорилось в письме. – Другой бы на вашем месте предпочел немедля смыть полученные обиды кровью. Вы же предпочли вымарать меня гнусной ложью перед генералом. Так мог поступить только негодяй и трус. Знайте, поручик: при первой же нашей встрече я буду вынужден дать вам пощечину. Посмотрим, как вы поступите далее...»

Разумеется, после получения такого письма, оскорбляющего лично его, Анатолий Владимирович посчитал себя свободным от данного генералу Борковскому обещания и принял вызов Скарабеева.

Секунданты Депрейса и Скарабеева предприняли попытку их примирить, но из этого ничего не вышло. Поручик Депрейс негодовал от полученных от Скарабеева оскорблений и жаждал мщения, Скарабеев же отказаться от дуэли попросту не мог, поскольку являлся ее инициатором. Он только попросил Депрейса показать ему письмо, им написанное. Когда Анатолий Владимирович дал Скарабееву письмо, тот стал читать его вслух, запинаясь, что вызвало смех Депрейса и его язвительное замечание:

– Что, поручик, не узнаете свою руку? Да будет вам тут перед нами комедию ломать...

– Это письмо писал не я, – заявил Скарабеев и быстро добавил, чтобы его не поняли превратно: – Но это отнюдь не означает, что я прошу о примирении...

В какой-то момент я почувствовал усталость. Дело представлялось мне крайне запутанным, – ниточка находилась где-то в середине клубка, ухватить которую не было возможности. Отвлекаясь от чтения, я снова поднял взор на сидящего в кресле судебного следователя Горемыкина:

– Как вы думаете, зачем Скарабеев перед дуэлью просил Депрейса показать ему письмо? И почему заявил, что не писал его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.